

УДК 811.161.1
DOI 10.18413/2712-7451-2020-39-2-306-316

Слова «стыд», «срам» и «позор» в говорах Архангельского региона: на пересечении значений

Яковлева (Редько) Н.А.

Военная академия Генерального штаба ВС РФ,
Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 100
E-mail: nataliairedko@rambler.ru

Аннотация. На материале бумажной картотеки и электронной базы данных «Архангельского областного словаря» проведен лексико-семантический анализ слов *стыд*, *позор* и *срам*, а также предикативов *стыдно*, *позорно* и *срамно* в говорах архангельского региона. Рассмотрена семантическая область, объединенная семами *совершение неблагоприятного поступка* и *чувство вины*, охарактеризованы народные представления о морали, проявляющиеся через внутреннюю и внешнюю оценку безнравственных действий человека. В исследуемых говорах происходит четкое разграничение понятий: *стыд* обозначает индивидуальное чувство, *позор* и *срам* (страм) – внешнюю оценку поступков человека коллективом. В ситуации оценки человеком какого-либо безнравственного поступка (своего или чужого) предикативы *стыдно*, *позорно* и *срамно* (страмно), а также «засорно» в одном из своих значений вступают в отношения синонимии.

Ключевые слова: диалектология, говоры, Архангельский областной словарь, лексико-семантический анализ, языковая картина мира.

Для цитирования: Яковлева (Редько) Н.А. 2020 Слова «стыд», «срам» и «позор» в говорах архангельского региона: на пересечении значений. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (2): 306–316. DOI 10.18413/2712-7451-2020-39-2-306-316

The words *styd*, *sram* and *pozor* in Arkhangelsk dialects: semantic crossroads

Natalya A. Yakovleva (Redko)

Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces,
100 Vernadskogo Pr-t, Moscow, 119571, Russia
E-mail: nataliairedko@rambler.ru

Abstract. Uses lexical and semantic analysis of the words *styd*, *sram* and *pozor* (close to *shame* and *disgrace*), their compatibility in the dialects of the Arkhangelsk region, as well as the key zone of synonymy – the predicates *stydno*, *pozorno* and *sramno* – on the basis of paper card files and the electronic database of the Arkhangelsk Regional Dictionary. The purpose of the research is to consider the semantic area, united by the semes ‘committing an unseemly act’ and ‘feeling guilty’, represented by the above words in a literary and dialect language; to characterize people’s ideas about this aspect of morality. In the dialects under study, a clear distinction is made between concepts: *styd* means only individual feeling, *pozor* and *sram* (*stram*) – an external assessment of a person’s actions by the collective. At the same time, the word *pozor* is ambiguous and its semantics (like in dialecticism *pozoram*) is more inclined to the field of hard mental experiences and physical hardships of rural life (semes ‘torment’, ‘hard work’, ‘difficult living conditions’). In a situation where a person evaluates an immoral act, the predicates, being polysemantic, in one of their meanings enter into a relationship of synonymy. The results of this research can be used in courses on dialectology, lexicology, ethnolinguistics, as well as in the study of Russian mentality and the language picture of the world.

Key words: dialectology, dialects, Arkhangelsk Regional Dictionary, lexical and semantic analysis, linguistic picture of the world.

For citation: Yakovleva (Redko) N.A. 2020. The word *sstyđ*, *sram* and *pozor* in arkhangelsk dialects: semantic crossroads. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (2): 306–316 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2020-39-2-306-316

Введение

В отечественной лингвистике все более возрастает интерес к выявлению традиционных доминант русской языковой картины мира. Анализ абстрактных имен, относящихся к духовной составляющей русской ментальности, представлен в работах ведущих российских филологов: Ю.Д. Апресяна [2006], Н.Д. Арутюновой [1999]; Т.И. Вендиной [1998]; В.В. Колесова [2004]; А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева [2012]; С.М. Толстой [2008] и многих др. Однако в подобных работах, как правило, рассматривается материал литературного языка или городского просторечия. Данные диалектного языка привлекаются учеными крайне редко (из перечисленных выше авторов на диалектном материале работают только Т.И. Вендина и С.М. Толстая), что, на наш взгляд, обедняет описание русской картины мира. Народные представления о мире хранятся главным образом в народном языке.

В настоящей статье представлены результаты лексико-семантического анализа существительных *стыд*, *sram* и *позор*: дан историко-лингвистический комментарий их семантики, показан ее синхронный срез в литературном языке; отражено современное функционирование этих слов, а также производных от них предикативов (*стыдно*, *позорно*, *sramно*) в говорах архангельского региона.

Материалом для исследования послужили данные электронной и бумажной картотек «Архангельского областного словаря» [Архангельский областной словарь, 1980], а также личные полевые записи автора, собранные в ходе диалектологических экспедиций в Архангельскую область в 2012–2017 гг.

В ситуации оценивания человеком какого-либо своего или чужого аморального поступка проявляется тесное переплетение значений существительных *стыд*, *sram* и *позор*. Согласно данным «Русского ассоциативного словаря» [2002], из 103 реакций на стимул *стыд* преобладают: *позор* 16, *sram* 9, и *позор* 2, и *sram* 1. При этом наивные представления носителя языка о стыде тяготеют к восприятию его как индивидуального чувства признания своей вины, проявляющегося внешне, что доказывает наличие следующих реакций: *краска* 5, *краснеть* 5, *красный* 3, *краснота* 2, *покраснеть* 2, *вгонять в краску* 1. Позор же больше связан с внешней негативной оценкой одним человеком или коллективом поступка другого человека: *невыносимый* 2, *несмываемый* 2, *унижение* 2, *честь* 2, *береги честь смолоду* 2, *всеобщее бесчестье* 1, *презрение* 1. Несмотря на это, среди 108 реакций на стимул *позор* преобладают «внутренние»: *стыд* 17, *стыдоба* 1 и *ужас* 4, *страх* 2. Слово *sram* принадлежит разговорному пласту литературного языка и воспринимается говорящими как синоним слова *позор*, что доказывает наличие фразем *стыд и sram* и *стыд и позор* (устроенных по принципу «внутреннее – внешнее») при отсутствии в языке выражения *sram и позор*.

Чтобы установить семантические сходства и различия этих слов, рассмотрим их этимологию и бытование в литературном языке, а затем сопоставим полученные результаты с данными говоров архангельского региона.

Существительные *стыд*, *позор*, *sram*

1. *Стыд*

Слово *стыд* восходит к общеславянскому слову *studъ* (*studь*), в исходном значении именованному «то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть» [Черных, 1999, с. 214].

Кроме русского, оно представлено и в других современных славянских языках: укр. *стид*, польск. *wstyd*, серб. *stid*, болг. *студ* [Фасмер, 2009, с. 789].

Анализируя этимологию существительного *стыд*, М.В. Рукавишникова [2009, с. 124] отмечает, что первоначально и *стужа*, и *стыд* использовались для обозначения холода как явления природы, а также состояния человека. Далее развитие семантики шло «путем метонимии от “стыда наготы” через обозначение интимных действий и частей тела к пороку».

Обратим внимание, что исконностыд, связанный с пороком, семантически был близок *позору*. Ветхозаветное значение слова *стыд* – внешний стыд, позор, «покрывающий человека в глазах других людей» [Арутюнова, 2000, с. 56].

В древнерусских памятниках слово *стыд* отмечено с XI века в двух значениях: 1) чувство смущения, неловкости – *с великим стыдомъ вопросы, двичей стыдъ*; 2) позор, бесчестье – *позорства и стыда великаго* [СРЯ XI–XVII вв., 2008, с. 222–223].

В дальнейшем значение слова *стыд* эволюционирует в сторону более личного чувства, хотя связь с общественным мнением остается в его семантике. Стыд предполагает взгляд извне: *стыдно, когда видно, а когда не видно, то уже и не стыдно*.

В русском языке сформировалась синонимическая пара: *стыд* как проявление индивидуального чувства человека и *срам* как объективное отношение коллектива к человеку или его поступку. Позднее произошло устранение дуализма понятий и замещение пары *стыд* – *срам* одним словом *стыд* в двух значениях: «эмоциональном» (внутренняя оценка) и «деонтическом» (внешняя оценка) [Шмелев, 2002, с. 118]. Отметим, что в просторечии и диалектах слово *срам*¹ продолжает существовать.

Стыд в говорах архангельского региона обозначает индивидуальное чувство, возникающее при осознании несоответствия своих действий правилам поведения, которые негласно закреплены в коллективе. В экспрессивном выражении *сты́д-то какóй* актуализируется субъект – носитель чувства: *А какóй сты́д-то ей, она́ всё потеря́ла*². Отсутствие стыда у человека, совершающего аморальный поступок, подчеркивается с помощью двойного отрицания в словосочетании *ниско́лько ни стыда́: Э́то смотре́ть позо́р! И ниско́лько ни стыда́!*

Существительное *стыд* часто употребляется в предикативной функции в составе устойчивых сочетаний *сты́д-то какóй, за сты́д*, имеющих значение «стыдно»: *Пришли́ го́сти, я се́ в подо́ле катаю – сты́д-то какóй! Сединá или лы́сость – ниче́го, не за сты́д сейча́с*. Стыд в подобных контекстах сближается со стеснением и боязнью публичного позора, но обращен на характеристику говорящим самого себя, а не другого.

С представлениями о бесчестьи, позоре связана конструкция *со сты́дом с пиро́гом*: *А я-то куда́ по́еду со сты́дом с пиро́гом?* (о рожденном вне брака). Значение этого выражения может интерпретироваться по-разному:

а) *С пиро́гом* – ‘с новорожденным ребенком’. Метафорическая связь «человек – хлеб» просматривается, например, в семантике слова *новоиспечённый*. *Со сты́дом* – ‘испытывая стыд оттого, что ребенок незаконнорожденный’.

б) *Со сты́дом* – ‘с незаконнорожденным ребенком’. *С пиро́гом* – ‘ни с чем’. Ср. диал. ‘вернуться с рыбалки или охоты без добычи’ – *прийти́с пиро́гом, с сухарём, с ко́лобом*.

Семантика *стыда* в говорах ярко проявляет себя в метафорической глагольной сочетаемости.

Держáть за сты́д – ‘считать постыдным’: *А рáньше рука́ го́ла – за сты́д держáли* (нельзя ходить в одежде с голыми руками).

Напринимáться стыда́ – ‘чувствовать угрызения совести’: *Тут стыда́-то напри- нимáется, да в тюрьму́ поса́дят, да всё*.

¹В говорах архангельского региона – в двух фонемных вариантах: *срам* и *страм*.

²Примеры из картотеки АОС даны в орфографии с указанием места ударения.

Стыд может являться внутренней составляющей (у кого-то *есть стыд* или *нет стыда*): *Бесстыдницы, виш, у некоторых есь стыд. Молодёжь-то вино глотит, стыда нет.* Стыд можно увидеть в глазах: *У них нѣту в глазах стыда! Глаза метонимически замещают человека в экспрессивном выражении стыдно глазѣцам: Взял дѣньги, дак не заходит, стыдно-то глазѣцам.* В «Словаре русских народных говоров» отмечены синонимичные словосочетания *стыды до глаз* ‘будет очень стыдно кому-то’: *Чай, стыды до глаз, кто придет, в избе-ти грязи в колен. Убирайте скорее, стыды до глаз, кто увидит.* Горьк. [СРНГ, 2008, с. 112]; *глазы лупятыся* у кого-н. ‘становится стыдно’: *Не хочу, чтоб из-за тебя у меня глаза лупились.* Смол. [СРНГ, 1970, с. 185].

В статье «О стыде и стуже» Н.Д. Арутюнова [1997, с. 59] отмечает несоответствие между этимологической соотнесенностью с холодом и реализацией в языке «жаркого» образа, основным симптомом которого является покраснение лица: *раскраснеться от мороза, но покраснеть от стыда; горячий, жгучий, но не холодный, ледяной стыд.* Связь стыда с внутренним сгоранием рассмотрена в статье О.П. Ермаковой [1999] «Концепты СО-ВЕСТЬ и СТЫД по данным языка».

В изучаемых говорах также бытует характерное для носителя литературного языка восприятие стыда как чего-то обжигающего: пламени, костра и т. п. *Сгорать со стыда* – ‘испытывать сильное чувство стыда’: *Срам ты, со стыда сгорим с тобой. Он весь переменялся, весь покраснел – это ведь со стыда сгорить.* Стыд воспринимается говорящими как пламя, которое обжигает или даже уничтожает изнутри.

При этом в говорах отмечена восходящая к этимону концептуализация стыда как чего-то обжигающего не жаром, а холодом. Стыд похож на озноб в выражении *стыд берёт* кого-н. ‘становится стыдно’: *Меня стыд берёт.* Неслучайно в говорах глагол *брать* имеет значение ‘охватывать, одолевая каким-л. состоянием’, чаще всего связанным с болезнью, реже – с холодом, ознобом: *Грипп-от постоянно берёт, все переболеют гриппом-то. Холодно сегодня, так и берёт. Как я ли грелась, меня не берёт* (холод).

2. Позор

Общерусское существительное *позор* восходит к праславянскому **zrmi* (т.е. образовано от глагола *зреть* – ‘видеть’) и первоначально обозначало ‘внимание’ [Фасмер, 2009, с. 303]. В одних славянских языках это значение сохранилось (в чешском, словацком, словенском), в других – претерпело значительные изменения: например, польск. *rozomr* – ‘видимость’, укр. *pozir* – ‘первый взгляд’. Однако связь с этимологом проявляется во всех славянских языках через обязательное наличие «зрителя»: например, в русском языке человек *позорится*, только когда его проступок или неприглядное положение увидели другие.

Еще в начале XIX в. значение общерусской лексемы в литературном языке не устоялось. В.В. Виноградов [Виноградов, 1941, с. 18] отмечал, что в языке ранних стихотворений А.С. Пушкина «*позор* употребляется в своем старом, церковно-славянском значении: ‘зрелище’», а уже с начала 1820-х гг. поэт использует это слово в значении ‘постыдное, презренное положение’. Сдвиг от исконной семантики к современной происходил через промежуточное значение ‘неприглядное зрелище’. В современном русском литературном языке *позор* – ‘постыдное, унижительное для кого-л. положение, вызывающее презрение; бесчестье’ [МАС, URL].

В говорах архангельского региона общерусское слово *позомр* сосуществует с диалектным словом *позорам* (*позомра*). Своими значениями они входят в три семантические зоны: 1) ‘унижительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’, 2) ‘душевная мука, мучение, беспокойство’, 3) ‘физические мучения, тяжелые условия жизни и труда’.

Позор –

(1) ‘Унижительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’: *Я позору не хотѣла, потому что у всех была в честѣ.* Данное значение наиболее ярко проявляется в несвободной предложно-падежной или глагольной сочетаемости:

На позор – ‘на осуждение’: *Бѣдны робя́тки, ой, одных оста́вят. Наноси́ла на позор* (т. е. дети будут страдать из-за поступка матери).

Брать на себя позор – ‘совершать проступок, ставя тем самым себя в унижительное положение’: *Не буду на себя позор брать!*

Сдѣлать позор – ‘опозорить, поставить в унижительное положение’: *Не заворова́лася, сы́ну позора не сдѣлала. Онѝ позору не сдѣлали, вы́шли взáмуж за мужиков.*

Давать на позор – ‘позволять ставить кого-л. в унижительное положение’: *В шесѣ́т лет я не бѹду себя на позор дава́ть.*

(1.1) ‘Артефакт плохого качества, вызывающий презрение у окружающих’: *Ра́ньше вручну́ю дѣлали, тако́го позору не вы́пустили бы на волю.*

(2) ‘Душевная мука, мучение, беспокойство’. Ощущение позора связывается в сознании говорящего с внутренними переживаниями: *Бы́ло мучѣнье, позор. Десятилѣ́тку покóнчил с позóром-то. Напи́шешь с трудóм, с большѝм позóром. Примáть позор* – ‘беспокоиться, переживать за кого-л.’: *Скóлько я позóру примáю. Позору́-то с нѝм.*

(3) ‘Физические трудности, неудобства’. Тяжесть на душе переносится на физические трудности, необходимость приложения усилий для достижения какой-либо цели: *Ой, позор зайтѝ к овцам, там сѣно надо подня́ть навѣрх.*

Физические трудности, как правило, связаны с тяжелыми условиями крестьянской жизни на Русском Севере: с тяготами работы на земле, с уходом за крупным рогатым скотом, работой на лесозаготовках и др.

(3.1) Подзначение ‘тяжелые условия жизни’ реализуется в условиях предложно-падежной сочетаемости – в позóре: *С ма́лых лет до ста́рости всё в позóре. Я вѣ́к свой, позорли́вая жи́сть, я живу́ в позóре.*

(3.2) ‘Тяжелый труд’: *Созвала́ меня́ э́хать на позор* (тяжелую, непосильную для женщины работу), *я бы до́ма пожилá.*

Позорá –

(1) ‘Унижительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’: *В позорѣ-то ху́до жить. Ой, позорá была́, дѣвки!* Слово *позорá* в данном значении часто выступает в роли предиката: *Вот позорá-то, вот позорá! Позорá-то!* Экспрессивность конструкций с предикатом усиливается местоимениями *такáя* или *какáя*: *Ны́нь те-пѣ́рь такáя позорá! Вот какá позорá была́! Ды́мник не околóчен, и́ш, какá позорá.*

(1.1) ‘Субъект, вызывающий презрение у окружающих’: *Отойдем промчѣ, позорам, не позо́рься! Такáя позорá да – пѣ́т и дерѣ́тся. Она́ такáя позорá* (нескладная). *Я-то ядрѣ́на, а ты позорá.*

(2) ‘Душевная мука, мучение, беспокойство’. Степень эмоционального переживания варьируется от сильного мучения до сострадания или легкого беспокойства: *Сто́лько гóрюшка да позоры́ приняла́. У когó нет* (детей), *у тогó и позоры́ нет.*

Значение реализуется в условиях атрибутивной или глагольной сочетаемости:

Чѝстая позорá: Чѝстая позорá, как до́лго у нас весна́ идѣ́т. Прилагательное *чѝстый* здесь имеет значение ‘абсолютный’. Атрибут усиливает оценку, заложенную в существительном.

Хвати́ть или *приня́ть позоры́* – ‘помучиться с кем-л. или чем-л.’: *Хвати́ла она́ позоры́, бѣ́дная. Он болѣ́л да болѣ́л, что она́ позоры́ приняла́.*

Позорá в значении ‘душевная мука’ становится синонимом таких слов, как *гóрюшко*, *му́ка*, *беда́*: *Давно́ я мечтáла гóрюшко своё вы́писать, свою́ позору́ и му́ку. Позорá, му́ка вели́кая – рано вы́ходить* (замуж). *Вот мне беда́, позорá какáя!*

(2.1) ‘Субъект, доставляющий беспокойство’: *Отвяжѝсь, позорá, ничегó у тебѣ́ не вы́йдет.* Денотативная сфера этого значения – дети. *Позорóй* называют непослушного ребенка, который доставляет родителям много хлопот: *Ой, позорá! С позорóй нѣ́когда* (с детьми). Использование слова по отношению к ребенку становится универсальной характеристикой любого детеныша: *Вот оста́лась позорá* (цыпленок).

(3) ‘Физические трудности, неудобства’ (в предикативной функции): *Позора́: накла́ла тяжело́ и не могу́ нести́, вот тебе́ и позора́. Позорю́сь дрова́-то кла́сть: позора́ дрова́-то кла́сть, ниче́го не ви́жу* (слепая). *Чи́стая позора́ скоту́* (потому что мост далеко).

(3.1) ‘Физически слабый, неловкий человек’: *Ой, позора́, дава́й я помогу́. Я позо́рюсь, позо́рюсь, а не могу́ подня́ть, му́ж ска́жет: Ой, позора́, да́й подоиму́ са́м.*

(3.2) ‘Физическое мучение, боль’ (в предикативной функции): *Голова́ заболит, да и но́чью мне позора́ дак.*

(3.2.1) ‘Больной орган, приносящий страдание’: *Я с позоро́й* (с больной ногой) *хожу́. С той, па́ря, позоро́й.*

(3.3) ‘Тяжелые условия жизни’: *Е́йна то́же жизнь позора́ одна́ была́. Коро́ву держала́, позори́лась, восьмо́й десяток живу́, а одна́ позора́. На́ши роди́тели про́жили все́ в позоре́ да в му́ке.*

(3.4) ‘Тяжелый труд’: *Не рабо́та, а одна́ позора́. Хвати́ло позоры́* (тяжелой работы). *Одну́ коровку, да и то́ с позоро́й ко́рмим. Ско́лько с е́й де́ла было, позоры́* (с коровой).

Приня́ть или нести́ позору́ – ‘выполнять тяжелую работу’: *Что́ я позоры́-то приня́ла: и на сплав ме́ня, и на ле́тний сезо́н. Я ско́лько с до́мом позоры́ несла́... Позора́* в этом значении, как правило, реализуется в контекстах, связанных с работой в колхозе или с ведением домашнего хозяйства: *Позора́ – непоси́льная рабо́та. Да́к во́т кака́ позора́ в колхо́зе-то.*

В переходной зоне между вторым и третьим значениями оказывается семантика *позоры́* в ситуациях, связанных с утратой родственника (супруга, матери и др.). В таких контекстах душевные и физические страдания не дифференцируются: *Ше́стеро дете́й оста́вил на мою́ позору́. Позора́ без ма́тери жить. Умерла́, оста́вила ме́ня на позору́.* Так же описывается уход за больным родственником или за пожилыми родителями: *А ве́дь ба́бушке-то позора́* (с ребенком-инвалидом). *То́лько сыновья́м позора́, что с на́ми* (приходится возиться).

Итак, в говорах архангельского региона *позо́р* и *позора́* обладают почти полностью совпадающим набором значений. При этом слово *позора́* более употребительно и развивает больше подзначений (см. таблицу).

Позо́р и *позора́* в говорах архангельского региона
Pozór and *pozorá* in Arkhangelsk dialects

<i>Позомр</i>	<i>Позорам</i>
‘унизительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’	
‘артефакт плохого качества, вызывающий презрение у окружающих’	‘субъект, вызывающий презрение у окружающих’
‘душевная мука, мучение, беспокойство’	
–	‘субъект, доставляющий беспокойство’
‘физические трудности, неудобства’	
	‘физически слабый, неловкий человек’ ‘физическое мучение, боль’ ‘больной орган, приносящий страдание’
‘тяжелые условия жизни’	
‘тяжелый труд’	

На территории одного населенного пункта или района Архангельской области могут фиксироваться оба слова в нескольких значениях. Например, в Мезенском районе отмечены четыре значения: *В шесѣт лет я не бѹду себя на позор даватъ* ('посрамление'). *Пожалѣла бы старости мой да позоры* ('мучения из-за болезней'). *Я уж не знала с ийм позоры* ('забот'). *Не жизнь была, а позора* ('мука').

3. Срам (срам)

В говорах архангельского региона существуют два фонемных варианта: *срам* и *срам*. Различий в их значении не обнаруживается: *У меня все тряпки сорóки вѣволочили, срам. Всѣ достали* (из заброшенного дома): *кámни, óкна – это срам ведь*. Далее в качестве заглавного будет использоваться слово *срам* как собственно диалектное.

Срам –

(1) 'Нечто неприличное или безнравственное, осуждаемое обществом': *По телевизору срам показывают, аж тошнит. Сейчás всё какáя-то ересь по телевизору*. Часто употребляется в функции предиката: *Шестъ сыновей, а мáтерь так довели, ой срам!* *Мы* (когда) *дѣвки бѣли: с кавалером постоишь, так это уже срам. А сейчás сáми к ребятам иду́т, на кровáть ложáтся*.

Данная семантика слова *срам* соотносится с *позором* (в его первом значении) – чем-то постыдным с точки зрения общества; с оценкой ситуации, ставшей известной и осуждаемой не самим субъектом действия, а другими людьми: *Грязно порáто, срам только. Ухудше́нье всё, срам-то оди́н. Срам ведь, лю́ди ведь при́дут. И больни́ца эта – срам*.

Негативная оценка с повышенной экспрессивностью реализуется в предикативной конструкции *что за срам*: *Что́ за срам! Ой, какі́ срамы́ны, как одева́ются!* (о коротких юбках) *Что́ за срам-то, говорю́! Я захожу́ – никакой заку́ски нѣт, что за срам!*

Стыд и срам! – экспрессивное выражение, описывающее ситуацию, когда, по мнению говорящего, субъект должен испытывать чувство стыда, а общество – осуждать его поступок. *Срам* здесь также синонимичен *позору*: *Молодые-ти иду́т: пуп го́лый, трусе́шки э́ки ма́леньки надѣнут, как пла́вки, и шага́ют по дере́вне, мо́жно сказа́ть, с го́лой жо́пой. Сты́д и срам! Немно́го и ба́ен бѣло, а тепѣрь кто́ ходит со ви́ами – сты́д и срам!*

(2) 'Неловкость, чувство вины за свой поступок': *Мы та́к устесня́лись, убежа́ли со сраму́. Да срама́-то уш нет, и то́т поте́рян*. Во втором значении *срам* сближается со *стыдом*.

В сочетании с глаголом в форме инфинитива *срам* имеет значение 'стыдно, неловко': *Сходи́ла да закружи́лась* (заблудилась в лесу), *да срам спра́шивать, ска́жут: ниско́лько ума́ у ба́бки нет. У меня́ милёнок есть, срам по у́лице провѣсть: ру́ки-но́ги колесо́м, двѣ сосу́льки под носо́м* (фольк.).

Таким образом, в одном из своих значений ('нечто безнравственное, осуждаемое обществом') *срам* является синонимом к *позору*, а в другом ('неловкость, чувство вины') – к *стыду*. Наиболее ярко эти семантические схождения проявляются в условиях ограниченной сочетаемости.

Предикативы *стыдно, срамно, позорно*

В говорах архангельского региона реакция на свои или чужие поступки, осуждаемые нормами морали и связанные с чувством вины, может описываться с помощью общерусских предикативов *стыдно, позорно* и *срамно* (*срамно*). Кроме того, схожей семантикой обладает диалектный предикатив *зазорно*. Рассмотрим подробнее каждое из этих слов.

1. *Стыдно*

Как было упомянуто выше, в русском языке сосуществуют «эмоциональное» (*Мне стыдно*) и «деонтическое» (*Стыдно так поступать!*) *стыдно* (в терминологии А.Д. Шмелева). В говорах архангельского региона *сты́дно* – только эмоциональное.

(1) ‘неудобно перед другими’: *Мнем всегом стыднеме бымло согламсие давамть. Не тамк стымдно бумдет* (занавешивая окно). Предикатив проявляет широкую вариативность в управлении: *Пришлам – от людей-то стымдно. Мне демвочек стымдно, не слыхамли такимх матюкомв. Мне стымдно вам, что у меням немчего поемсть.*

Полисемант *стымно* развивает в говорах еще два значения, не связанных с чувством вины.

(2) ‘страшно за что-н.’: *Избам стампра, да стымдно за томпленье, томпит, сымрости мномо.*

(3) ‘трудно’: *Доромжных людей (с дороги) напоимть-то стымдно, что ль?*

Слово имеет в диалекте словообразовательный вариант *стымдко*: *Камк же стымдко-то мне!*

2. *Срамно*

Место деонтического *сты́дно* (генерализованное суждение об общей этической норме) в говорах архангельского региона занимает предикатив *срамно́* (реже встречается фонемный вариант *стра́мно*): *До двадцати годо́в не ро́бить-то срамно́. Ой, какой необиход в избы́, срамно́ гляде́ть. Вот у ба́бки и това́ру. Стра́мно и носи́ть.*

Отметим, что при наличии семантических схождений существительных *срам* и *стыд*, описанных выше, предикатив *срамно́* выражает только внешнюю оценку, сближающую его с позором.

3. *Позорно*

Позорно в значении (1) ‘неприемлемо для общества’ используется для описания ситуаций, которые осуждаются в коллективе; соотносится с предикативом *срамно́*, поскольку тоже связано с общей нормой: *Родила́ молча, да он уйдёт – вот это́ было позорно. А вот чтоп лю́ди-то не зна́ли. Позорно́ было зауго́лка (внебрачного ребенка) принести́. Половина́ молоде́жи такой о́браз (жизни) веду́т (сходятся-расходятся), ра́ньше было́ позорно́ ведь та́к. Они́ называ́ют: Мари́йка, Настю́ха, а у нас – Ма́рья, На́стя. Позорнее зову́т, что (чем) у нас.*

(2) ‘Неудобно перед другими людьми’: *Ему́ позорно́ с посу́дой поро́зной в магази́н-то иди́. Ка́к же мне бы́ть? Мне позорно́ ведь. Ходи́те, дак ва́м не позорно́ в штана́х. Синонимично эмоциональному *сты́дно* (кому-то *позорно* – кому-то *сты́дно*).*

(3) ‘Тяжело, плохо’: *Але́на ушла́ от мужика́, позорно́ было́ одной. Позорно́ – это́ тяжело́. Вот я оста́лась от (без) ма́тери, дак напозори́лась.* Эта семантика предикатива идет от диалектных значений *позора́* и *позоры́*, связанных с мучением и тяжелым трудом.

4. *Зазорно*

Диалектный предикатив *зазорно́* так же совмещает в себе эмоциональное и деонтическое значения, как и слово *позорно́*.

(1) ‘Позорно, неприемлемо для общества’: *Не зазорно́. Ниче́го в ней тако́го зазорно́го нет, то́лько пьёт.*

(2) ‘Стыдно перед другими людьми’: *Сто́ль мне зазорно́ да сто́ль мне позорно́ было́ (что дочь выходит замуж за пьяницу).* В этом контексте, очевидно, слово *зазорно́* обозначает внутреннее чувство, а *позорно́* – внешнюю оценку.

Предикатив *зазорно́* в говорах развивает еще одно значение, не связанное с чувством вины.

(3) ‘Завидно’: *Мне́-то зазорно́: у тебя́ есть, а у меня́ нет.*

Таким образом, предикативы *сты́дно*, *позо́рно*, *срамно́* и *засо́рно*, некоторыми своими значениями образуют особую зону синонимии. Их взаимосвязь представлена на рисунке.

В «эмоциональном» значении синонимами становятся слова *позо́рно*, *сты́дно* и *засо́рно*, в «деонтическом» – *позо́рно*, *засо́рно* и *срамно́*. Все рассмотренные предикативы, кроме слова *срамно́*, являются полисемантами, развивая и другие значения, не связанные с чувством вины и безнравственным поведением.

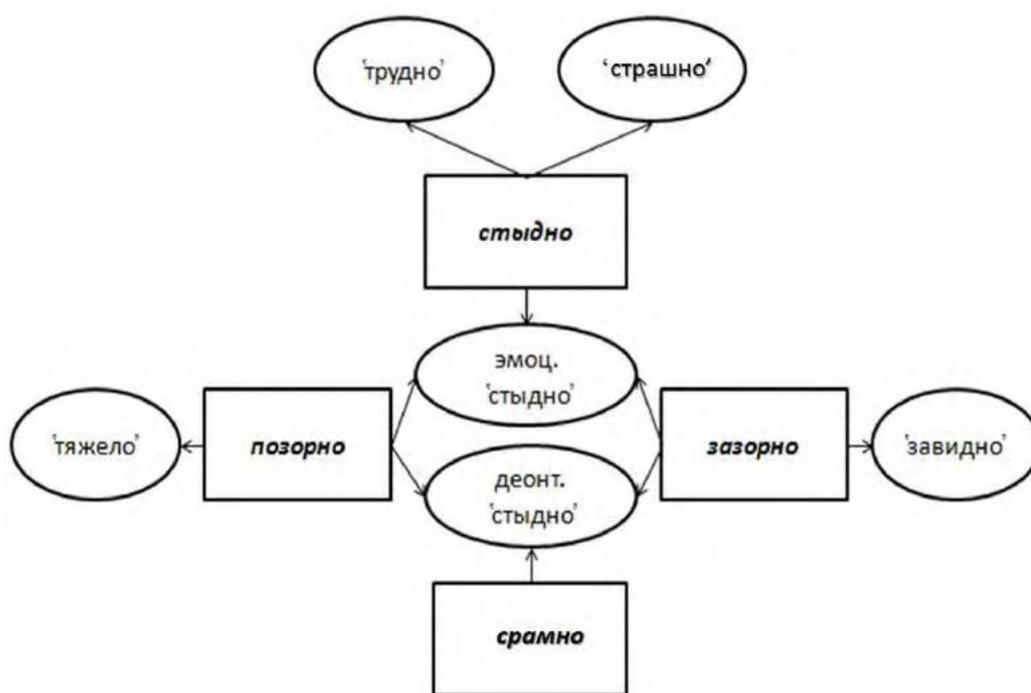

Рис. Предикативы *сты́дно*, *позо́рно*, *засо́рно*, *срамно́* в исследуемых говорах
Fig. Predicatives *stýdno*, *pozórnno*, *zazórnno*, *sramnó* in researched dialects

Выводы

В результате проведенного исследования в говорах архангельского региона обнаружилось более четкое, чем в литературном языке, разграничение семантики рассматриваемых общерусских слов. *Стыд* – обозначение индивидуального чувства, *страм* – внешняя негативная оценка, в кодифицированном литературном языке выражаемая словом *позор*. В говорах же семантика *позора* и *позоры́* преимущественно связана с мучением и тяжелыми условиями жизнедеятельности, хотя значение ‘унизительное положение, бесчестье’ здесь также отмечено. Полисемия всех этих слов позволяет им на уровне дериватов становиться в одном из своих значений полными синонимами, что демонстрируют описанные выше предикативы *сты́дно*, *позо́рно* и *срамно́* (а также диал. *засо́рно*).

Список источников

1. Архангельский областной словарь. 1980. Вып. 1 (А – Бережок). Под ред. О.Г. Гецовой. М., Изд-во Моск. ун-та, 168 с.
2. Словарь русского языка (МАС). В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.02.2020).
3. Русский ассоциативный словарь. Составители: Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др.: В 2 т. М., 2002.

4. Словарь русских народных говоров. 1970. Под ред. Ф.П. Сороколетова и Ф.П. Филина. 6: Выросток – Гон. Л., Наука, 360 с.
5. Словарь русских народных говоров. 2008. Под ред. Ф.П. Сороколетова и О.Д. Кузнецовой. 42: Стриж – Сухловина. СПб., Наука, 330 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. 2008. Под ред. В.Б. Крысько. Вып. 28: Старичекъ – Сулебный. М.: Наука, 303 с.
7. Фасмер М. 2009. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 3: Муза – Сят. М., Астрель – АСТ, 830 с.
8. Черных П.Я. 1999. Историко-этимологический словарь современного русского языка.
9. В 2 т-х. т. 2: Панцирь – Ящур. М., Русский язык, 560 с.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. 1997. О стыде и стуже. Вопросы языкознания, 2: 59–70.
2. Арутюнова Н.Д. 1999. Язык и мир человека. М., Языки русской культуры, 911 с.
3. Арутюнова Н.Д. 2000. О стыде и совести. В кн.: Логический анализ языка: Языки этики. М., Наука: 54–78.
4. Вендина Т.И. 1998. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., Индрик, 240 с.
5. Виноградов В.В. 1941. Лексикологические заметки. Ученые записки Московского государственного педагогического дефектологического института, 1: 18–19.
6. Ермакова О.П. 1999. Концепты СОВЕСТЬ и СТЫД по данным языка. В кн.: Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург: 54–59.
7. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. 2012. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., Языки славянских культур, 693 с.
8. Колесов В.В. 2004. Язык и ментальность. СПб., Петербургское Востоковедение, 238 с.
9. Рукавишников М.В. 2009. Совесть как многогранный феномен. Этимологический и лексический анализ. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского – Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, 2(14): 121–126.
10. Толстая С.М. 2008. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., Индрик, 528 с.
11. Шмелев А.Д. 2002. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М., Языки славянской культуры, 224 с.
12. Языковая картина мира и системная лексикография. 2006. Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 912 с.

References

1. Arutyunova N.D. 1997. O styde i stuzhe [About shame and cold]. Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics, 2: 59–70.
2. Arutyunova N.D. 1999. YAzyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. Moscow, Publ. Yazyki russkoj kul'tury, 911 p.
3. Arutyunova N.D. 2000. O styde i sovesti [About shame and conscience]. In: Logicheskij analiz yazyka: Yazyki ehtiki [Logical analysis of language: languages of ethics]. Moscow, Publ. Nauka: 54–78.
4. Vendina T.I. 1998. Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm) [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow, Publ. Indrik, 240 p.
5. Vinogradov V.V. 1941. Leksikologicheskie zametki [Lexicological notes]. Uchyonyje zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo defektologicheskogo institute – Scientific notes of the Moscow state pedagogical defectological Institute, 1: 18–19.
6. Ermakova O.P. 1999. Kontsepty SOVEST' i STYD po dannym yazyka [CONSCIENCE and SHAME concepts according to language]. In: Russkij yazyk v kontekste kul'tury [Russian language in the context of culture]. Sbornik statey. Ekaterinburg: 54–59.

7. Zaliznyak A. A., Levontina I.B., SHmelev A.D. 2012. Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskikh kul'tur, 693 p.
8. Kolesov V.V. 2004. Yazyk i mental'nost' [Language and mentality]. Saint-Petersburg, Publ. Peterburgskoe Vostokovedenie, 238 p.
9. Rukavishnikova M.V. 2009. The phenomenon of conscience fenomenological and lexicological analysis. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2(14): 121–126.
10. Tolstaya S.M. 2008. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshheslavyanskoj perspective [The space of the word. Lexical semantics in the Slavic perspective]. Moscow, Publ. Indrik, 528 p.
11. SHmelev A.D. 2002. Russkaya yazykovaya model' mira. Materialy k slovarju [Russian language model of the world. Dictionary Materials]. Moscow, Publ. YAzyki slavyanskoj kul'tury, 224 p.
12. YAzykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and systemic lexicography]. 2006. Ed. Yu.D. Apresyan. Moscow, Publ. YAzyki slavyanskikh kul'tur, 912 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлева (Редько) Наталья Александровна, младший научный сотрудник, соискатель ученой степени кандидата филологических наук на кафедре русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Военная академия Генерального штаба ВС РФ, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya A. Yakovleva (Redko), Junior Researcher, Candidate of Philology degree at the Russian Language Department of the Philology Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Moscow, Russia